

Д. Е. ФУРМАН. Сотворение новой земли и нового неба.

Как любой великий писатель, А. Платонов может породить очень разные «прочтения», в нем будут разное искать и разное находить. Но попробуем подойти к Платонову не как к писателю, а как к уникальному историческому источнику, как памятнику сознания эпохи, формально не такой уж далекой, по психологически уже очень далекой и во многом ставшей непонятной. Дело в том, что Платонов сумел уловить своей интуицией писателя в сознании своего времени то, что не уловил и не передал так ясно и полно никто другой. Я беру почти наугад несколько типично платоновских фраз из «Чевенгура».

«Теперь жди любого блага,- объяснял всем Чепурный,- тут тебе и звезды полетят к нам, и товарищи оттуда спустятся, и птицы могут заговорить, как отживевшие дети, - коммунизм дело не шуточное, он же светопреставление». «Копенкин догадался, что в Чевенгуре нет никакого коммунизма - женщина только что принесла ребенка, а он умер». «...Раз буржуев нет, а ветер дует по-прежнему.... значит, буржуазия окончательно не природная сила». Кажется, еще немного и эти странные речи будут производить комический эффект — ведь они строятся так, как строится речь многих комедийных и вообще комических персонажей классической литературы, на гротескном соединении разнородного речевого материала — простонародного и ученого, бытового и возвышенного и на нарушении нормальной логики. Но комического эффекта они не производят, ибо таким языком говорят у Платонова очень серьезно и о вещах предельно важных - о жизни и смерти, о смысле человеческого существования, о будущем нашей страны и всего мира. Что же значат эти речи платоновских героев, о чем они нам говорят, какой тип дознания в них отражается?

Это сознание в основе своей полуархаическое, сознание людей, совершенно не привыкших к правильному логическому мышлению (фразы, аналогичные платоновским, можно услышать у детей, в легендах и мифах, записанных этнографами). Это - сознание того громадного слоя, который лежал «на дне» русского дореволюционного общества, наверху которого, в тончайшем интеллигентном слое, были блоки, брусовы, акмеисты, символисты и т. д., и который, в то время когда создавались прекрасные стихи и велись споры литературных направлений, не имел слов для выражения своих мыслей и даже не имел правильно, логически построенных мыслей — не умел их строить. Этот слой не был слышен, ибо он молчал, и когда он заговорил, он заговорил странной «косноязычной» платоновской речью. Эти люди жили не в двадцатом веке, они жили даже не в средневековье, культурно они жили в какой-то глубочайшей архаике, и с мыслью двадцатого века они сталкиваются лишь в форме марксизма, термины которого так причудливо вплетаются в ткань их «дологического» мышления. Совершенно не случайно в «Котловане» один из персонажей, проводящих коллективизацию,— медведь (что приводит на память зверей, строящих прекрасный мир будущего у Заболоцкого).

Это сознание людей до предела измученных, для которых дореволюционная жизнь — очевидный ад. Платонов, мне кажется, открывает для нас новое не только в жизни двадцатых годов, но и в дореволюционной жизни. Он открывает ту степень измученности и даже не озлобленности — это слово тут не подходит, а твердого ощущения, что жизнь - ад, которую, пожалуй, дореволюционная литература с такой остротой не зафиксировала. И насколько эти люди ощущали, что прошлая жизнь - ад, настолько они верят, что сейчас в их руках - ключи от рая. Ибо коммунизм для них — это именно рай, это спустившийся па землю «Небесный Иерусалим», где люди перестанут умирать, это мир всеобщей любви, новая земля и новое небо, путь к которым указал Ленин. Девочка Настя в

«Котловане» говорит: «Главный — Ленин, а второй - Буденный. Когда их не было, а жили одни буржуи, то я и не рождалась, потому что не хотела. А как сказал Ленин, так я стала! - Ну, девка,- смог проговорить Сафронов. — Сознательная женщина - твоя мать! И глубока наша советская власть, раз даже дети, не помня матери, уже чувствуют товарища Ленина». Близость этого нового мира полностью обесценивает сегодняшний день. Во имя рая на земле можно терпеть невыносимые мучения, работать, как никогда не работали никакие рабы, умирать и убивать - в «Чевенгуре» есть описание массового убийства буржуев и затем «полубуржуев», совершенно аналогичное тому, что мы знаем о «Бабьем Яре». Рай очень близок и в какой-то мере он уже начался - люди выдумывают себе новые имена, ибо начинается новая жизнь, они уже сейчас при всем их презрении к жизни и смерти трогательно заботятся друг о друге, преобразуя будущий коммунистический мир всеобщей любви. И уже сейчас, движимые верой, совершают чудеса, выводя на землю «ювенильное море».

Так что же это за сознание? Это — народное полусектантское сознание, аналогии которому надо искать у хлыстов, раскольников или на Западе - у мюнстерских анабаптистов. Революционный марксизм разбудил, актуализировал древние народные мечты о конце света, гибели угнетателей и рае на земле. Он поднял громадную задвленную массу, те 80% дореволюционных неграмотных, которые на многие столетия отстояли от мира русской дореволюционной культуры - той культуры, которую они, поднявшись, смяли. Марксизм стал для этих людей новой верой, со своими пророками, святыми, вроде Розы Люксембург, которой так предан рыцарь революции Копенкин в «Чевенгуре». И как любое сектантское движение, это движение быстро принимает «церковные» формы — горячечный энтузиазм переходит в строгую иерархическую дисциплину и жесткую догматику.

Прочтение Платонова, на наш взгляд, может внести важные коррективы в возникающие ныне исторические построения. Сейчас многие склонны видеть в сталинском уничтожении нэпа, коллективизации и терроре чуть ли не досадную случайность, связанную с приходом к власти злого гения. Но из платоновского сознания медленное, спокойное и разумное экономическое и политическое развитие «не выводится». Из книг Платонова видно, какая мощная психологическая сила — народные эсхатологические ожидания - мешала нэпу и толкала в сторону сталинизма. Не для нэпа умирали и убивали герои Платонова, а для рая на земле. Нэп они могли воспринять лишь как временное отступление, и очень важно, что для Платонова коллективизация, описанная в «Котловане», - прямое продолжение революции, она вершится с той же ненавистью к врагам и с теми же эсхатологическими ожиданиями. И эти же ожидания толкали в сторону сталинского культа и террора. Ленин для этих людей — пророк Моисей, ведущий их из египетского рабства в землю обетованную. И когда он умер, им был нужен новый пророк. И так же им были нужны враги - ибо если господствует вера в то, что рай на земле близок, то любая отсрочка его наступления объясняется лишь кознями дьявольских сил. Террор НКВД - такое же прямое продолжение того террора, который устраивает в «Ювенильном море» бабка Федератовна, как догматика сталинской эпохи — это окостеневший, застывший горячечный бред платоновских героев.

Громадное место в платоновском сознании занимает наука. Но это совершенно особая наука. Это наука, призванная создать рай на земле, прекрасный сад. Ее проекты грандиозны и фантастичны — здесь и преобразование солнечного света в электричество, и «социалистические гиганты» - коровы вроде бронтозавров, и новые моря, и новые реки, вообще «новая земля и новое небо». И как любые чудеса, эти чудеса делает вера, ибо открытия эти совершаются у Платонова людьми простыми и неучеными, не столько на основе знаний, сколько на основе энтузиазма. И опять-таки, как террор энтузиастки

Федератовны предвосхищает террор НКВД, так преобразование природы героями Платонова предвосхищает деяния «народного академика» Лысенко, великие стройки коммунизма с их искусственными морями и, как далекий бюрократический отголосок народной мечты, пресловутый «поворот» сибирских рек.

Мир Платонова - мир недавний, мир отцов и дедов многих современных советских интеллигентов. Но как это ни парадоксально, этот мир дальше от нас, чем мир Толстого или Пушкина. Дело в том, что дети или внуки платоновских героев (тех из них, кто не погиб в терроре) «подключились» к тому потоку русской культуры, который был прерван «вторжением» их отцов и дедов, рванувшихся к культуре, обеднивших ее, но одновременно — ценой, о которой говорить не приходится,— поставивших ее на неизмеримо более прочные основания. Очень легко увидеть в платоновском мире господство безумия и жестокости, «провал» во времени, в «нормальном» течении истории культуры. Но как без варваров не было бы Возрождения и современного мира, так без платоновских героев, чей мир «клином» врезается в историю русской культуры, невозможен новый виток в нашем культурном развитии. В XVIII и XIX вв. люди стали умнее и научились ценить одновременно и античную поэзию, и варварские песни, и греческие, и готические статуи и здания, видеть и величие античности, и величие мира ее разрушителей. И нам предстоит научиться одновременно ценить и даже любить и русские церкви, и татлинскую башню III Интернационала, и горячечные видения прекрасного грядущего платоновских героев.